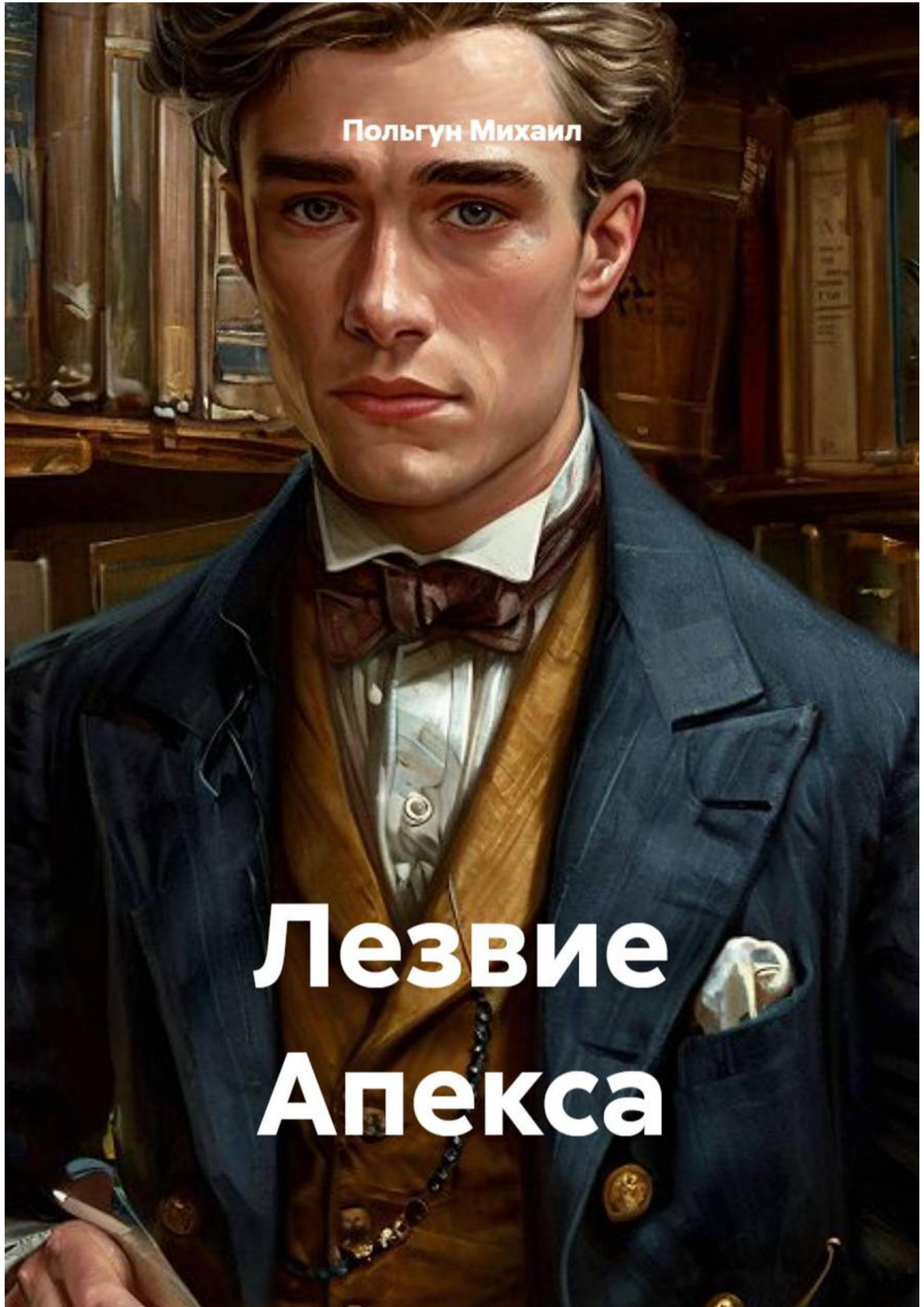

Польгун Михаил

Лезвие Апекса

Польгун Михаил
Лезвие Апекса

«Автор»

2026

Михаил П. П.

Лезвие Апекса / П. П. Михаил — «Автор», 2026

Черeda неудач разрушает жизнь молодого фабриканта из Провиденса Чарльза Эмбертона: его бизнес гибнет, репутация уничтожена, а помолвка расторгнута. Последней соломинкой становится странный предмет, неожиданно пришедший по почте. На этот загадочный артефакт быстро находится покупатель, готовый заплатить целое состояние. Он предлагает Чарльзу выгодную сделку, способную поправить его материальное положение. Но какую цену придется заплатить за это спасение и что на самом деле скрывает в себе таинственное послание из прошлого?

© Михаил П. П., 2026

© Автор, 2026

Польгун Михаил

Лезвие Апекса

Лезвие Апекса

1.

Лил проливной дождь. На Провиденс опускались ранние осенние сумерки, на улице тускло горели газовые фонари. Многие заведения предпочли сегодня закрыться пораньше, и лишь в нескольких окнах первых этажей еще горел свет. Перед дверью антикварного магазина, над которой висела вывеска «Антиквариат А. Бартоломея», остановился молодой человек в сером пальто и черной шляпе с широкими полями. Несмотря на то что он укрывался зонтом, его пальто и шляпа изрядно намокли. Он постоял еще немного перед дверью, будто не решаясь зайти, и наконец открыл её.

В магазине было тепло и сухо, в углу за дверью топила небольшая печка. На звук колокольчика вышел аккуратно одетый парень лет девятнадцати, который с натянутой улыбкой спросил:

— Здравствуйте. Меня зовут Милтон. Чем могу помочь, сэр?

— Я хочу видеть мистера Бартоломея, — сказал молодой человек, ставя в угол намокший зонт.

Парень взглянул на него оценивающе и спросил:

— Как вас представить?

— Скажите, что пришел Чарльз Эмбертон. Он знает меня.

Милтон скрылся за тяжелой атласной шторой, отделяющей торговый зал от служебных помещений.

Чарльз, оставшись один, стал осматривать то, что «Антиквариат А. Бартоломея» предлагал на продажу. В магазине стояло несколько потертых кушеток, огромные тяжелые комоды и шкаф; на полках высились вазы и статуэтки из бронзы, фаянса и гипса. В шкафах со стеклянными дверцами была выставлена старинная посуда: как целые сервизы, так и отдельные предметы сервировки. Возле кассы под стеклом на атласных подушечках лежали серебряные столовые приборы и несколько карманных часов.

Почти на всех предметах висели таблички «Руками не трогать».

На самом деле старые вещи никогда не интересовали Чарльза. Он иногда даже с безразличием относился к предметам, которых некогда касались чужие руки. Другое дело — его отец Эдуард Эмбертон, в прошлом один из богатейших людей Провиденса и заядлый коллекционер.

Львиную долю коллекции Эдуарда составляли различные оккультные принадлежности: ритуальные чаши, ножи, книги, манускрипты и свитки, изваяния и идолы божеств Египта, Месопотамии, Южной и Центральной Америки, Индии и Китая, некоторым из которых насчитывались тысячи лет. У него был целый негласный штат добытчиков и агентов, разыскивающих и скупающих для него разные диковины по всему миру. Поговаривали даже, что у него в коллекции есть экземпляр печально известного «Некрономикона», написанного безумным арабом, за который Эдуард выложил баснословную сумму. Однако сам он всегда отрицал наличие у себя этой мерзкой книги.

Посетив особняк Эмбертонов, вы бы увидели лишь сотую часть всех древностей, входящих в коллекцию. Гостям демонстрировались древние статуи Ганеша и кровавой Кали, японских Они, глиняные таблички с берегов Евфрата, древние Веды, свитки Торы и даже египет-

ские мумии. Но это было лишь то, что предназначалось для общего обозрения, — многие хотели попасть в дом Эмбертонов, чтобы поглазеть на экспонаты, словно в музее.

Но существовало и то, о чем знали единицы, — то, что не предназначалось для любопытствующих глаз обывателей. Это были многочисленные труды средневековых алхимиков, свитки с описанием различных богомерзких ритуалов, в том числе кровавых жертвоприношений, статуэтки и барельефы с изображениями неизвестных науке существ и давно забытых богов. И всё это богатство хранилось в огромном подвале под домом.

Именно эта коллекция, а точнее проданная её часть, год назад спасла Чарльза от разорения. И в этом ему тогда помог Аарон Бартоломей.

— О-о-о, мистер Эмбертон, как я рад вас видеть! — Из-за занавески вышел высокий, слегка полноватый мистер Бартоломей. Он был одет в широкие коричневые твидовые брюки, белую рубашку, поверх которой красовался коричневый жилет, а на руки были надеты черные нарукавники. — Хотя чувство, на самом деле, противоречивое: если вы снова решили навестить меня, значит, дела идут не так хорошо, как вам бы хотелось. Но тем не менее мой внутренний голос сегодня сказал: «Аарон, не закрывай магазин пораньше!»

От неожиданности Чарльз, занятый рассматриванием витрин, вздрогнул, услышав этот громогласный голос.

Мистер Бартоломей с широкой улыбкой подошел к Чарльзу и пожал ему руку. Заметив, что пальто и шляпа гостя изрядно промокли, он обернулся к парню, который вышел в торговый зал вслед за ним:

— Милтон, помоги мистеру Эмбертону раздеться и повесь его пальто возле печки, но не слишком близко.

— У меня к вам дело, мистер Бартоломей, — со вздохом сказал Чарльз.

— Ну что же, тогда прошу в мой кабинет. Милтон, сделайте нам чаю.

Чарльз прошел за занавеску вслед за хозяином лавки.

Кабинет мистера Бартоломея представлял собой комнату чуть меньше торгового зала. Она была заставлена деревянными ящиками всех размеров, а вдоль стен тянулись полки, на которых стояли книги в кожаных переплетах с потрепанными корешками, что само собой говорило об их почтенном возрасте. Там же располагались различные статуэтки, более изящные, чем в торговом зале.

Мистер Бартоломей жестом указал на кресло рядом со своим письменным столом.

— Я прошу прощения за беспорядок, в котором принимаю вас, мистер Эмбертон. У нас сейчас большие поступления, и мы не успеваем всё оприходовать, — как бы извиняясь, проговорил он. — Я давно ничего не слышал о вас. Надеюсь, ваши дела и дела «Эмбертон и Ко» идут хорошо?

— Да, мистер Бартоломей, я делаю всё, чтобы этот корабль не пошел ко дну, и очень признателен вам за ранее оказанную помощь.

— Не за что, мистер Эмбертон.

Я давно знал и уважал вашего отца. Да и некоторые предметы, которые вы передали мне для продажи, я в свое время сам приобретал для его коллекции. Вот назовите меня суеверным или чокнутым, мистер Эмбертон, но события, произошедшие в вашей семье, ничем иным, как злым роком, не назовешь.

— Да-а-а, и я, и многие другие отговаривали вашего отца, упокой Господь его душу, не связываться с инсмутским отродьем. Эти обид не прощают.

Чарльз, конечно, знал, какие слухи ходили о его отце и Маршах, а также о печальных событиях, когда четыре судна с первоклассным товаром пропали (и, скорее всего, лежали на морском дне), а затем случился пожар на фабрике, и всё закончилось скоростной смертью Эдуарда Эмбертона.

— Я слышал эти байки, мистер Бартоломей, и отношусь к ним как к выдумкам, — натянуто улынувшись, сказал Чарльз.

— Ну не скажете. Ваш отец нанимал штурманов в Инсмуте, и корабли всегда приходили в порты назначения целёхонькими, даже пройдя через самую страшную бурю. А однажды, если верить слухам, ваш отец отказался перевозить контрабанду для Маршей. Считайте меня суеверным, ну ладно одно, ну два судна я понимаю, но четыре — хе-хе, это уже наводит на мысль. Я скажу больше, мистер Эмбертон: в моем магазине никогда не будет ни одной вещи из Инсмута, этого проклятого городишка идолопоклонников. Хотя переселенцы оттуда иногда приносят весьма интересные вещицы. А знаете почему? Потому что я хоть и еврей, но живу по нормам христианской морали. И я надеюсь, что в итоге власти наведут там порядок — если не именем Божиим, то именем закона. Вот так.

Дальнейшую тираду мистера Бартоломея прервал Милтон, который принес поднос с чаем и снова скрылся за шторой.

— Простите меня великодушно, мистер Эмбертон, я увлекся.

— Ну, может быть, совсем немного, — сказал Чарльз. — По крайней мере, мне лестно то, как вы отзываетесь о моем бедном отце.

— Что ж, давайте приступим к вашему делу, мистер Эмбертон.

Чарльз достал из кармана сверток и протянул его собеседнику.

— И что же это? — беря сверток, спросил мистер Бартоломей.

— Это я получил три дня назад по почте. Полагаю, предмет предназначался для коллекции отца. И посмотрите на дату.

— О-о-о, Мадрид... И ты шла в Провиденс целых три года! Адресат — Эдуард Эмбертон. Ну что же, мистер Эмбертон, ничего загадочного в этом нет. Испанию лихорадили и лихорадят народные волнения, так что в том, что посылка могла затеряться, нет ничего удивительного.

Мистер Бартоломей развернул пакет, и перед ним на столе оказался сложенный втрое листок бумаги и небольшая продолговатая коробочка из эбенового дерева.

— Ну что же, начнем с письма.

Мистер Бартоломей достал из кармана жилета пенсне и, водрузив их на нос, стал вслух читать сопроводительное письмо:

«Уважаемый мистер Эмбертон, высылаю вам интересующий вас предмет. Получить эту вещь было очень непросто; денег, выданных мне, хватило на приобретение и оплату моих услуг. Надеюсь, что вы больше никогда не обратитесь ко мне за помощью, так как я рискую не только своей жизнью, но и душой. J. R. К...»

— Ну что же, — сказал, снимая пенсне, мистер Бартоломей. — Кто такой J. R. К., мы, скорее всего, никогда не узнаем. Это агент вашего отца, так сказать, «доставала» — у меня тоже есть такие. И я в свою очередь был «доставалой» у вашего отца, если так можно выразиться, — ухмыльнулся он. — Но боюсь предположить, что эта коробочка с её содержимым была добыта не совсем честным путем.

— Я не думаю, что отец пошел бы на то, чтобы быть причастным к краже! — вставая с кресла, негодуя воскликнул Чарльз.

— Успокойтесь, мистер Эмбертон, успокойтесь, — мирно ответил мистер Бартоломей. — Никто не обвиняет вашего покойного отца в нечестности, но этот J. R. K. вполне мог пойти на кражу или еще на что похуже, иначе к чему здесь упоминание души? Но всё это пока не имеет отношения к делу.

Чарльз опять опустился в кресло.

Мистер Бартоломей наконец открыл коробочку, и перед ним оказался предмет в виде полого стержня из желтого металла диаметром примерно пятнадцать миллиметров, испещренного каким-то причудливым узором. На одном конце стержня был закреплен прозрачный кристалл.

Достав из ящика стола лупу, антиквар взял странный предмет и стал его рассматривать, а затем, отложив инструмент и разводя руками, произнес:

— Металл — определенно золото, но кристалл, к сожалению, не алмаз, а горный хрусталь.

— Я это знаю, мистер Бартоломей, но посмотрите на огранку камня.

— А он разве огранен? — удивился тот.

Мистер Бартоломей опять взял лупу и, поднеся предмет к настольной лампе, начал всматриваться в кристалл.

— Хмм, действительно, к приданию такой формы камню приложили руку. Но что за уродство, он выглядит как обычный осколок! И тем не менее, если ваш отец приобрел этот предмет, значит, вещь непростая. Хотя, на мой взгляд, эта вещь стоит не больше того материала, из которого она изготовлена. А что же нам скажет коробочка?

Мистер Бартоломей отложил стержень с кристаллом в сторону и взял в руки черный футляр. Внутри он был отделан красным атласом, под которым чувствовалась какая-то набивка, немного слежавшаяся от времени; петли крышки и защелка были медными.

Повертев футляр в руках и осмотрев его под лупой, мистер Бартоломей произнес:

— На вид ничего примечательного, разве что футляр действительно старый, может, шестнадцатый или семнадцатый век.

Затем он взял из ящика стола маленький скальпель и попытался им поддеть край атласной обшивки. Когда это удалось, его брови приподнялись; он спешно взял лупу и стал сосредоточенно рассматривать открывшуюся стенку футляра.

— Поглядите, мистер Эмбертон, — подозревал он Чарльза.

Чарльз встал с кресла и, подойдя к столу, нагнулся к лупе. На внутренней части футляра он увидел выжженную надпись *Scalpellum Verticis*, а под ней буквами поменьше — *Laurentius Heliodromus de Vertice*.

— И что же это значит? — настороженно проговорил Чарльз.

— В целом ничего особенного. Мы просто узнали имя человека, который сделал эту штуковину, — мистер Бартоломей указал на стержень с кристаллом, — и то, как он её назвал: «Скальпель Апекса». А еще, возможно, теперь вам будет легче установить, для чего эта штука нужна.

— Мистер Бартоломей, я пришел к вам, чтобы узнать, что это за вещь, сколько она стоит и сможете ли вы ее выгодно продать, — садясь обратно в кресло, сказал Чарльз. — Поэтому я думаю, что всё-таки нам...

Мистер Бартоломей посмотрел на Чарльза.

— Ну, если вопрос стоит таким образом, то в случае, если эта вещь окажется стоящей шутовщиной, продавать её буду я, мистер Эмбертон. И мне достаточно для этого вашего честного слова.

— Оно у вас уже есть, мистер Бартоломей.

— Ну вот и ладно. У меня есть кое-какие связи в научной среде, попробую узнать, кто такой этот Элиодромо ди Вертиче. Я помню, у вашего отца работал старик, кажется, Тадеушем его звали. Довольно толковый старикан был, и я думаю, он бы пролил свет на эту вещь.

— К сожалению, он умер еще за год до смерти отца, — констатировал Чарльз.

— Да, жаль, это упростило бы нам задачу, — кивнул мистер Бартоломей. — Если мы с вами договорились, я бы всё-таки закрыл магазин и отправился домой: от этой сырости у меня разболелись суставы, — улыбаясь, извиняющимся тоном добавил он.

Чарльз вышел на улицу. Дождь уже закончился, оставив после себя холодную темную сырость. Он смог поймать редкую в это время пролётку и отправился домой. *Scalpellum Verticis* по договоренности остался у мистера Бартоломея.

Завтра Чарльз должен был уехать на неделю по делам в Бостон, и они договорились встретиться по его приезду.

2.

Придя домой, Чарльз заперся в своем кабинете, приказав слугам его не беспокоить. Сидя за большим письменным столом, он обхватил руками голову: в последнее время по вечерам его часто одолевала апатия, которую он списывал на усталость.

Эдуард Эмбертон постарался дать сыну хорошее образование в Бостонском университете. Но тем не менее сам Эдуард не спешил посвящать сына в дела фирмы, видя его мягкотелость и настаивая на продолжении учебы. Лишь за пару лет до своей кончины он начал привлекать сына к управлению семейным делом. Однако дела фирмы в последние годы жизни Эдуарда стали идти из рук вон плохо. Сначала сгорела одна из ткацких фабрик, расположенных в Бостоне, а затем, словно по мановению руки злого рока, одно за другим пошли на дно несколько судов, груженных сырьем, что повлекло неисполнение ряда контрактов. Эдуард, наверное, смог бы исправить ситуацию, но ему просто не хватило времени.

Чарльз в свою очередь, хоть и не обладал отцовской деловой хваткой или манерой ведения бизнеса, умел считать и понимал, что дела фирмы плохи, и решение проблем ляжет тяжким бременем на его плечи. После смерти отца кредиторы из уважения к усопшему несколько месяцев не беспокоили Чарльза, чтобы потом обрушиться на его голову огромной волной своих требований.

Чарльзу пришлось пойти по пути наименьшего сопротивления и продать часть коллекции отца — как той, что предназначалась для общего обозрения, так и тайной, хранящейся в подвале. Благодаря этому он смог рассчитаться с частью долгов и даже нанять более-менее толкового управляющего, но всё равно понимал, что рано или поздно ему придется продать и остальное.

Да, будь жив старый Тадеуш, разобраться с коллекцией и с этой странной шутовщиной было бы куда легче.

Когда Чарльзу было лет десять, в отцовском доме появился старый Тадеуш Козинский. Мальчик сначала подумал, что после смерти матери отец нанял ему воспитателя — пожилого старика с мутным взглядом, всегда небрежно одетого, со всклокоченными седыми волосами, пахнущего немытым телом и еще чем-то неприятным, похожим на нафталин.

Как потом узнал Чарльз, отец нанял Тадеуша секретарем, и в его обязанности входила только систематизация и каталогизация коллекции, причем именно той части, которая хранилась в подвале. Бывало, что в подвале Тадеуш проводил дни напролет.

Чарльз всегда старался держаться подальше от подвала и этого старика, особенно после одного случая. Как-то раз он, десятилетний мальчишка, спустился вниз и обнаружил дверь в хранилище открытой. Он гулял между статуями различных диких существ и стеллажами, уставленными старыми свитками и книгами. В дальнем углу подвала находился массивный стол, который также был завален кучами старых бумаг, свитков и книг, — рабочее место старого Тадеуша. Подойдя ближе к столу, в тусклом свете настольной лампы Чарльз увидел раскрытую старую книгу.

Раскрыта она была как раз на странице с картинкой, где была изображена толпа дикарей из какого-то племени, веселящаяся и кривляющаяся в демоническом танце. Приглядевшись, Чарльз увидел, что в танце дикари размахивают зажатými в руках отрубленными человеческими конечностями, а один из них держит две палки с нанизанными на них, как жемчужины в ожерелье, отрезанными головами. На другой картинке эти дикари устроили пиршество у подножия каменного изваяния своего божества, где жадно поедали принесенное в жертву. Также перед статуей висела гора из частей человеческих тел: мужчин, женщин и детей.

Чарльз смотрел как завороженный на эти рисунки, испытывая чувство отвращения и в то же время будучи не в силах отвести взгляд, как вдруг за спиной раздался тихий голос:

— Это дикари из племени Тупикума празднуют победу над португальскими колонистами.

Чарльз вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял и улыбался во весь свой беззубый рот старый Тадеуш.

— В 1650 году каннибалы Тупикума полностью уничтожили португальский форпост, практически все были убиты и съедены. В живых осталось два человека, которые и описали эти события. Знатная у них получилась пирушка, так, парень? — по-прежнему улыбаясь, сказал старый Тадеуш.

Чарльз, опомнившись, стремглав побежал к лестнице, слыша позади хриплый смех Тадеуша. Больше к подвалу мальчик не подходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.